
ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Л. Н. Пушкарев

ЖЕНСКИЕ ФРОНТОВЫЕ СКАЗЫ (Из воспоминаний фольклориста-фронтовика)

Мне уже приходилось выступать в печати с воспоминаниями о своей работе фольклориста на фронтах Великой Отечественной войны¹. Я хочу продолжить начатый рассказ и поведать о женских сказах, записанных мною от фронтовичек. Сказ — это один из распространенных жанров в устном народном творчестве, свободный и непринужденный рассказ о каком-либо событии недавнего прошлого, участником или свидетелем которого был рассказчик. В сказе отсутствует легендарность: хотя сам сюжет и может быть весьма драматическим и даже неправдоподобным, необыкновенным, но он, как правило, не выходит за рамки реальности.

Во фронтовой и особенно в прифронтовой обстановке сказы были распространены чрезвычайно. Эти «устные народные рассказы» (так часто именуются сказы)² о личном, пережитом, узнанном или услышанном бытовали на фронте в перерывах между боями, на строительстве оборонительных сооружений, на контрольно-пропускных пунктах во время ожидания попутной машины, в землянках при отходе ко сну и т. д. Разнообразные по содержанию, простые по форме, они скрашивали нелегкий быт, служили формой распространения слухов и рассказов о фантастических событиях и реалиях фронтовой жизни, изобиловавшей, как известно, самыми неожиданными сюжетами и развязками.

В сказе, как и во многих других жанрах устного народного творчества, весьма важны роль рассказчика, его умение удержать внимание слушателей, его мастерство повествователя. Только лица, обладающие даром впечатляющего рассказчика с образным и богатым языком, получали признание слушателей, а их сказы перенимались другими и в конце концов приобретали форму народных быличек.

И по содержанию, и по форме сказы разнообразны и неповторимы. Иногда один и тот же сюжет по-разному передавался различными рассказчиками, и это никого не смущало и не удивляло. Мне встречались на фронте и пересказы литературных произведений, и прозаические переделки песенных сюжетов, и «отклики» на самые популярные на фронте и в народе песни. Такова «Катюша», вызвавшая массовые варианты и отклики. Видный

© Пушкарев Л. Н., 2007

¹ *Пушкарев Л. Н.* Женская частушка на фронте: (Из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // *Женщина в российском обществе.* 2005. № 1/2.

² См., напр.: *Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне* / Сост. А. В. Гончарова. М., 1979.

советский фольклорист И. Н. Розанов показывал мне собранные им более ста вариантов переделок «Катюши»: она «воевала» и среди пехотинцев, танкистов, летчиков, саперов...

Такова же судьба и весьма популярной у бойцов песенки «Огонек» («На позицию девушка провожала бойца»). Эта песня была на протяжении всей войны одной из самых любимых и часто исполняемых. Ее популярность вполне объяснима: тема прощания, разлуки и верности — одна из традиционных в лирическом фронтовом фольклоре. Да и в реальной жизни тех лет преобладающее большинство оставшихся в тылу жен и девушек самоотверженно хранили верность ушедшим на фронт мужчинам. Но жизнь многогранна и непредсказуема: конечно, были и нарушения клятв верности («любовь моя девичья никогда не умрет»), причем как в тылу, так и на фронте, где у офицера могла появиться «ППЖ» («походно-полевая жена»). Особенно это стало заметным к концу войны, через четыре года воздержания: не у всех хватало на это терпения...

Фольклористы давно уже отметили появление песен — «откликов» на «Огонек», в которых осуждались девушки, отказавшиеся от своих прежних возлюбленных, ставших на фронте инвалидами³. Могу лишь подтвердить, что и в моей практике сбора фольклора на фронте я неоднократно встречался с такими переделками, в том числе и с прозаическими пересказами. Вот какой вариант я записал от Д. Т. Швыдкова, 1921 года рождения, уроженца Витебской области, пехотинца. Слушая как-то исполнение «Огонька», он сказал: «Все это хорошо, но в жизни этого не бывает, а в жизни вот что!» — и запел:

Не успел за туманами скрыться наш паренек,
Как у нашей у девушки появился дружок
С золотыми погонами, с папиросой в зубах
И с победной улыбкою на красивых губах.
Не прошло и полмесяца, парень шлет письмо:
«Оторвало мне ноженьку и разбило лицо.
Если любишь по-прежнему и горит огонек —
Забери меня, ласточка, мой любимый дружок!»
И ответила девушка, что любви больше нет:
«Я с другим повстречалась, вот и мой весь ответ.
Ковыляй потихонечку, про меня позабудь,
Залечи свою ноженьку, проживешь как-нибудь».
Усмехнулся парнишечка, прочитав письмо:
«И нога не болит моя, и красиво лицо,
И по-прежнему выгляжу, и служу как всегда,
Но к тебе я, изменница, не вернусь никогда!»

Я привожу этот вариант «ответа» на «Огонек» потому, что именно он стал источником для прозаических сказов на тему продолжения описываемого в «ответе» сюжета: действительно ли девушка стала ждать возвращения с фронта возлюбленного, или же она нашла себе утешение у вернувшегося с фронта офицера (чаще всего — интенданта), и огонек их любви погас...

Сказы с этим сюжетом широко бытовали на фронте на исходе войны, в 1945 г., особенно в боевых госпиталях. Обычно их исполнителями были,

³ Крупянская В. Ю., Миц С. И. Материалы по истории песен Великой Отечественной войны. М., 1953. С. 122.

естественно, мужчины, но мне встречались и рассказчицы-женщины. Позволю себе для сравнения привести два сказа на эту тему, записанные мной почти одновременно. Оба они несут на себе отпечаток ожидания скорого окончания войны и своеобразного мотива инвалидности, присущий многим ветеранам фронтового фольклора 1945 г. Сказы записаны мною в марте 1945 г. Один из них — от К. М. Сидорчука, 1915 года рождения, уроженца Курганской области, образование 5 классов, по специальности шофер:

«Ну так вот, слушайте, братцы вы мои раненые солдатики, историю, а случилась она в соседней с моей деревне, в Лыково. Жили там двое молодых людей, ну скажем, Ваня и Маня. И вот пришло Ване время жениться, а там и время на фронт идти, Родину защищать. И прощается он с Маней, и дает она ему верную клятву соблюдать себя как следовать и быть ему верной. И сказала она ему на прощание: “Дорогой мой Ванечка, солнце ты мое ненаглядное, возвращайся живым ты домой, пусть хоть израненный, хоть какой, только живой, и приму я тебя, буду тебе верная жена по гроб жизни!” Вот какую ему клятву она дала.

Ну и пошел наш Ваня на фронт в родную нашу матушку пехоту, и воевал он как следовать, жизни своей не щадил, бил врага не числом, а умением, и суворовские заветы исполнял, и приказ № 227 “Ни шагу назад!” чтил и в душе своей всегда имел. Ну, в одном из боев был он ранен, лежит в госпитале — вот как мы с вами сейчас! — и один старослужащий, человек-хитрован, говорит ему: “Вот ты о своей Мане рассказываешь и про клятву ее говоришь, а вот ты возьми да и напиши ей, что, мол, оторвало мне ноженьку и разбило лицо, примешь ли меня?” Вот хитрость какая.

Ваня послушал, и письмо накатал, и добавил, что верит он своей Мане как самому себе. Ну, проходит там неделя или две, не знаю, врать не хочу, только приносят в палату Ване письмо от Мани, и написано в нем, что, мол, прости меня, Ваня, только любовь моя вся была да вышла, и есть у меня другой человек, не солдат, как ты, а лейтенант — интендант (поняли, кто? Ну, из тех, тыловых...), и он пайками меня снабжает, и у нас любовь и все такое прочее. А ты, мол, живи, может быть, и поправишься, а нет — так, значит, такая у тебя судьба. И подписалась: “Бывшая твоя любовь”. Вот, значитца, как.

И тут как раз приходит в госпиталь приказ, что присвоили Ване Героя Советского Союза и дали ему месяц отпуска. Нацепил на себя Ваня все ордена и медали, и звезду Героя Советского Союза повесил, и пошел-поехал на родину. Приезжает он в свое Лыково, идет к родной матери, а та — в слезы: “Да что же твоя Манька-то, скурвилась, сука-волочайка”, ну и другие всякие слова говорит. А Ваня ей: “Мамаша, пойдём с тобой в воскресенье на круг, там на нее посмотрю в последний раз!” Ну и пошли они. Ваня — при всех орденах идет, медали звенят, подрагивают, звезда золотая блещет. И лицо у него не разбитое, и идет он гордой походкой на обеих ногах, и звезда-то его золотая так и сияет! Как увидела его Маня, так и бряк в обморок! А он прошел, как чужой, мимо и только с матерью и разговаривает. А сам почернел весь. На фронт вернулся и говорит: “Пошлите меня на самый ответственный участок фронта!” А ему и говорят: “А у нас все ответственные. Вот завтра идем в атаку, город Бреслау отбивать будем”. И он пошел. И в первом же бою голову свою сложил. Вот тебе и вся история».

Второй вариант записан мною от медсестры хирургического отделения Н. Савченко, 1922 года рождения, уроженки Петропавловской области, образование 9 классов. Рассказывала ночью во время своего дежурства товаркам-санитаркам.

«А вот я расскажу вам историю, мне ее один раненый рассказал, случилась она в глубоком тылу, в Сибири. Была там одна девушка, проводила она на фронт своего парня и все письма шлет, все письма шлет, а от него-то нет ничего, а то придет письмо, а все вымарано цензурой, там только и понятно, что, мол, люблю, воюю честно, ну и все такое. И вот приходит к ним на побывку лейтенант молодой с фронта, мобилизовали его подчистую после операции. Приехал он к его товарищам родителям — ну, был у него на фронте друг, и он к его родителям приехал, потому что сам он с Западной Украины, там фашисты всю его семью порушили подчистую. А родители той девушки соседями были. Ну и начали они вместе видаться, девушка все про войну спрашивает, письма с фронта от своего парня читает. Ну вот и начали они вместе этого паренька ждать. А тут

весна, а тут жарки пошли (это цветы такие у нас в Сибири есть), а тут годы молодые, и вот хотите вы верьте мне, хотите нет, а сердце-то не камень... А тут лейтенант этот собою видный, бронетистый, глаза черные, и то был худ-худ, а тут стал силой наливаясь, и румянец, и улыбка белозубая такая... И вот не выдержало ее сердечко, и уж и сама не знаю как, а они объяснились, и любовь у них горячая, молодая, и письма с фронта ей уже ни к чему стали...

И вот в этот самый момент приходит от него письмецо: дескать, дорогая моя, горит ли наш огонек и помнишь ли ты, как меня провожала и какие клятвы давала, ну и прочее все такое. А потом приписка, что вот давно я тебе не писал, был я на выполнении боевого задания командования, ходил я по немецким тылам, откуда письма не идут, и ранили меня, возьмешь ли ты меня изуродованного: и ноги нет, и глаз выбит, и вообще от меня прежнего половина осталась. Она это письмо с лейтенантом читает, плачет-плачет, горькими слезами заливается и говорит: “Что же мы теперь делать-то будем?”

И лейтенант этот и говорит: “Не плачь, я сам ему напишу. Мы оба фронтовики, и друг друга пойдем”. И пишет ему все как есть: как он приехал весь израненный, как отошел и душой и телом, как девушку он встретил, как полюбили друг друга, что, мол, решай сам, я, мол, тебя хорошо понимаю и, как ты решишь, так тому и быть.

Ну и отправили они письмо и ждут. И любовь им не в любовь. А весна торопит. Ну и приходит им письмо от паренька от любимого с фронта, и пишет он им, что, мол, видно, не судьба мне, что одно мне теперь осталось — сложить свою буйную голову на дальней стороне. И прощай, говорит, моя далекая подруга, не хватило, говорит, нашему огоньку горячего, погас он, говорит, без времени. А девушка эта как письмо получила — и плачет, заливается горячими слезами, и лейтенант этот ей не люб, и паренек ей каждую ночь снится, как лежит он весь избитый, израненный, истекает горячей кровью на чужой стороне и некому ему раны перевязать. И не выдерживает ее ретивое сердце, идет она в военкомат и просит направить ее на тот самый фронт, где паренек ее воюет. Ну, военкомат ее посылает, работает она медсестрой в полевом госпитале, раны она перевязывает, больных она выхаживает и во все глаза смотрит: нет ли среди раненых ее милого друга. Спрашивает всех, не слышал ли кто о нем, и по всему фронту весть прошла, что такая-то сестра ищет такого-то старшего сержанта.

И доходит эта весть до парнишки, но он ничему не верит, а сражается с врагом отчаянно, жизни своей не жалеет, и в каком-то бою врывается в неприятельский дот и взрывает его со всеми офицерами, а среди них был какой-то бригаденфюрер, приехал от Гитлера, привез секретный приказ, и все эти наиважнейшие документы паренек в свою часть доставил в целостности-сохранности. И представляют его к званию Героя Советского Союза. А паренек опять в боях, сражается с проклятым врагом отчаянно, жизни своей не жалеет. И в каком-то бою ранят его по-страшному: руку левую ему по локоть отрывает, скулу ему левую сворачивает, и прибывает он в госпиталь весь с головы до пояса забинтованный, одни глаза видны.

Ну, прооперировали его, руку, конечно, отняли, скулу вправили, но кормить можно только через трубочку, говорить не может, только глазами туда-сюда показывает, что, мол, жив. Ну и поступает он в палату к этой самой девушке, а поступает как безымянный боец, потому что подобран он был на поле боя без сознания, говорить не может, никаких документов при нем не обнаружено. Ну ладно, лежит он в палате, пришел в себя и видит, что его любимая девушка его же и выхаживает. Смотрит он и не верит, потому что думает, что все это снится ему, потому что его любимая девушка далеко-далеко в Сибири. Потом он окончательно приходит в сознание и понимает, что это, действительно, она самая за ним ухаживает, а того не знает, что это он сам здесь лежит. Ну, долго ли, коротко ли, снимают с него повязки, а девушку эту в другое отделение переводят, и она его разбинтованного не видит. Ну, врачи выходили его, разговаривать он стал, и объявился он, кто он такой, как его зовут и все такое прочее, и стал у бойцов раненых выспрашивать, что же это за санитарная сестра за ним ухаживала. И бойцы все ему о ней рассказали, как приехала она из Сибири своего паренька искать, что блюдет себя верно, что самостоятельная очень... ну, вот как Галина наша (тут все кругом рассмеялись, но я не понял, почему. — *Л. П.*). И в это самое время приходит в госпиталь приказ о награждении его званием Героя Советского Союза — посмертно. И как девушка этот приказ прочитала, и она тут же в обморок, а очнувшись, начала плакать горячими слезами и свою бедную девичью судьбу оплакивать. А паренек выздоравливает, получает отпуск повидать отца с матерью и перед тем, как ехать на родину, заходит он почему-то в другое отделение. А девушка как раз дежурила. Сидит она за столом — и глазам своим не верит: идет

*Л. Н. Пушкарёв. Женские фронтовые сказы
(Из воспоминаний фольклориста-фронтовика)*

к

ней

ее

миль-

любимый, на обеих ногах, а левый рукав у гимнастерки булавкой приколот, а на гимнастерке — звезда Героя Советского Союза... Ну и пали они друг другу в объятия, и все кругом плачут горячими слезами, потому что дело это было невиданное-неслыханное, чтобы они друг друга в этой военной круговерти нашли. Вот и все!»

Что можно сказать об этом сказе? Бросается в глаза, во-первых, близость его к народной сказке, имеющей всегда счастливый конец, во-вторых, чисто женская характеристика образов, умело скомпонованный сюжет с невозможностью для героев узнать до поры до времени друг друга. Хочу отметить, что слушатели были абсолютно уверены в возможности такой ситуации. Вообще фронтовики всегда были уверены в одном: на фронте все возможно! То, что в тылу вызвало бы сомнение в реальности случившегося, на фронте расценивалось как вполне вероятное.

Женские сказы на фронте, по моим наблюдениям, встречались реже мужских. Хотя, может быть, они просто мне не попадались. Да и записывал я сказы не так часто, как хотелось бы — по условиям обстановки: то света не было, а рассказывали ночью, то бумага отсутствовала... Нелегка судьба фронтового фольклориста! Бумаги на фронте не хватало, бойцы зачастую вымаливали у меня чистые тетрадные листы на самокрутки. Нередко мне приходилось сталкиваться с осуждением моего стремления записать услышанное. Были и случаи прямого запрета со стороны командования: «не заниматься не относящимся к служебным обязанностям делом». Всякое случалось. Но мне помогали чем могли фронтовые друзья, а институтские учителя В. Д. Кузьмина и В. И. Чичеров сохранили мои записи. Это и дает мне надежду, что сделанные мною на фронте в условиях сложного фронтового быта, среди бомбежек, обстрелов и нескончаемых переходов записи послужат фольклористам и гендерологам как источник для создания новых работ на тему «Женщины на фронтах Великой Отечественной войны».